

Голоса

Эти истории похожи на вымысел. Их сюжеты словно бы выписаны талантливым драматургом, который связывает случайные события в единую мелодию страха, сомнения, надежды, любви. Их герои словно бы специально задуманы сочинителем, чтобы раскрыть перед читателем заветную идею автора о том, что нет ничего бессмысленного в мире, однако есть то, смысл чего мы не сумели разглядеть, потому что в решающий миг побоялись открыть глаза. Но все эти истории — правда. В них звучат голоса настоящих людей. И сквозь них просвечивает настоящий смысл.

Священник Павел Островский

Пять рублей

Однажды ко мне на исповедь пришла женщина примерно пятидесяти лет. Когда она была двенадцатилетней девочкой, из их семьи ушел отец, и на протяжении всей жизни она его за это ненавидела, не общалась с ним. Он пытался наладить связь с дочерью, но та не хотела идти на контакт, проклинала его, не желала видеть.

Прошло около сорока лет, ее отец умер. И вот она пришла, стала объяснять: «Я, конечно, понимаю, что это плохо, но до сих пор продолжаю обижаться на него». Я ей отвечаю стандартно: «Старайтесь молиться, каяться, все-таки злопамятство — это не очень хорошо».

Рассказав про отца, она начала вспоминать свое детство и в той же исповеди между делом упомянула, что как раз в двенадцатилетнем возрасте украла у мамы пять рублей. А я, сам не зная, что меня заставило спросить, говорю ей:

— А Вы прощения-то у нее за это попросили?

— Нет, не просила, — отвечает она.

— Надо попросить! — настаиваю я.

Она возражает:

— Мама в деревне живет, ей восемьдесят с лишним лет, она уже, наверное, не помнит ничего.

А я все равно убеждаю:

— Нет, надо съездить, прощения попросить.

Потом я над ней прочел разрешительную молитву, и мы расстались.

Через несколько недель я снова увидел эту женщину. Та пришла ко мне в ужасном состоянии: вся зареванная, ее буквально трясло. Она долго рыдала, но, наконец, успокоилась и рассказала, что приехала к матери в деревню и между делом вспомнила:

«Ты знаешь, мама, когда мне было двенадцать лет, я у тебя взяла пять рублей из кошелька и ничего не сказала, а недавно к батюшке на исповедь приходила, и он велел попросить у тебя прощения».

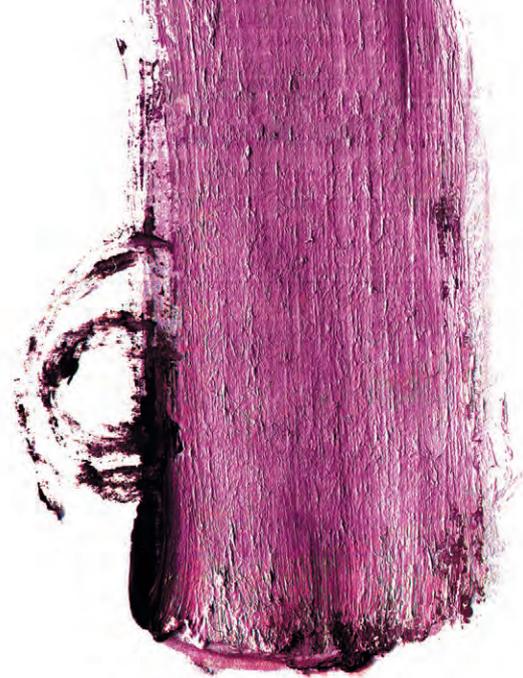
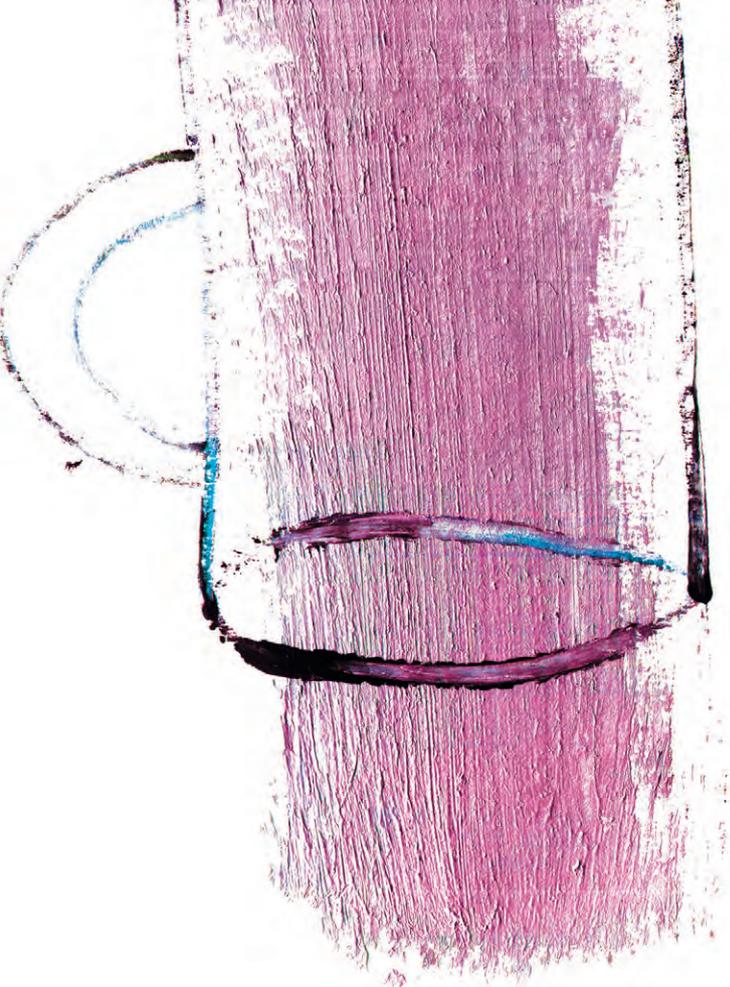
Мама заплакала и рассказала:

«Когда-то твой отец сильно пил — так сильно, что стал воровать деньги. Когда тебе было девять, я не выдержала и решила его выгнать. Он просил прощения, стоял на коленях, и я дала ему последний шанс. После этого он завязал, устроился на работу. Но, когда тебе было двенадцать лет, мы не досчитались пяти рублей. Я спросила у тебя — ты ответила, что не брала. Тогда я обвинила во всем мужа, мы поссорились. После этого он ушел и больше не возвращался».

Когда женщина все узнала, у нее пропала вся ненависть к отцу, и вместо нее подкатил целый товарный поезд вины — хотя, если взглянуть объективно, ее вина тут невелика. Что такое пять рублей? Мелочь. Но через такие мелочи Господь открывает нам глаза.

Записал **Илья Журавлёв** ➔

Александр Ткаченко

Витёк

Был у меня приятель. Все звали его Витёк, хотя от роду ему в ту пору было уже лет эдак под пятьдесят. Веселый, сильный, умный мужик, отличный плотник. Правда, зашибал иногда — было такое дело. Ну, да и конченным алкашом его назвать было нельзя, а совсем непьющих плотников — поди поищи нынче на Руси! А вот упрямства был, действительно редкостного. Если что-то втемяшил себе в голову — всё! Никакие аргументы и объяснения там уже не действовали. Только так, и никак иначе. Эта дурацкая упёртость у Витька проявлялась буквально во всем. Ну вот, например, он принципиально отвергал любой электроинструмент и плотничал по старинке — топором, ножовкой, рубанком. Работу, которую без особого труда можно было сделать за пару часов с помощью цепной пилы и электролобзика, Витёк «мучил» вручную полдня. Широкий в кости, жилистый, очень сильный физически, он мог трудиться без передыху очень долго. Подозреваю, что этот отказ от электроинструмента был для него своего рода куражом: очень немногие люди сегодня способны к столь интенсивной физической работе.

Но уж если Витёк уходил в запой, это тоже было явление, выходящее из ряда вон. Как-то раз он пришел ко мне зимой по снегу босой. Просил двадцать рублей на чекушку самого-

на, и категорически отказывался обуть мои ботинки: «Ты чё, Саш? Я тебе разве побирушка? У меня своя обувь есть. Просто захотелось вот так — по холодку босиком...» Зная его упрямство, пришлось пойти на хитрость: двадцатку я ему пообещал, но с условием — тут же обуться. Витёк понял, что ситуация безвыходная. Посмотрел на меня с укоризненной, пробормотал «Эх, люди-люди...», и сел натягивать ботинки. Двадцатку тогда пришлось дать, иначе опять ушел бы босым.

В церковь Витёк ходить любил, отстаивал длинные службы на Рождество и Пасху, но за праздничную трапезу вместе со всеми почему-то стеснялся садиться, уходил сразу после богослужения. Помню его лицо в храме — напряженное, сосредоточенное. Как будто о чем-то очень важном просил он Бога в душе, о чем-то таком, чего никогда не произносил вслух.

Его мама работала у нас в храме. Она и попросила меня после очередного Витькова запоя взять его с собой подсобником на очередную печку. Несколько раз мы ездили вместе с ним на шабашку в Подмоскovie. За работой Витёк много рассказывал про свою нескладную жизнь: в юности занимался спортом, и не каким-нибудь, а пятиборьем, ездил на соревнования. С женой не заладилось — развелись. Был пожарным в военизированной части, потом работал ветеринаром... Два раза по контракту вербовался в армию, служил

в знаменитом Московском погранотряде на афганской границе. По типуажу Витёк очень напоминал лесковского «Очарованного странника» — такой же чистый, добрый и непутевый русский человек, никак не могущий найти применение своей громадной жизненной силе.

И вот однажды в неладное осеннее утро мне позвонил знакомый, и сказал, что Витёк сгорел. Напился пьяный, и уснул, а дом загорелся. Может — сигарета непотушенная, может — проводка...

Как-то совсем погано мне стало от этого известия. Даже не от того, что погиб Витёк, нет, а от нелепой обыденности этой смерти. Человек с автоматом в руках воевал с душманами на границе, человек бросался с брандспойтом в самое пекло на серьезных пожарах, проваливался в горящие постройки, вырывался из огня, проламывая плечом пылающие доски, и остался жив. А тут — помер, словно последний алкаш, угорел на подожженном окурком матрасе...

Нет, для Витёка это была неправильная смерть, не так должен был умереть

Очарованный странник, и вся душа моя противилась этой страшной новости.

Как потом выяснилось — не зря. Уже на следующий день я узнал подробности Витьковой гибели. Выпивали они вдвоем с приятелем, потом уснули. Ночью Витёк проснулся и увидел, что дом горит. Грамотный борец с огнем, он перво-наперво выбежал на улицу, постучал к соседям, у которых был телефон, и велел вызывать пожарных. А сам метнулся назад, в горящий дом. Ему кричали — ты куда, сторишь! Он только отмахнулся: вы что, там же человек остался! Вбежал в огонь и назад уже не вышел. Только вот приятеля-то в горящем доме как раз и не было: оказалось, проспался, чудила, и ушел ночью восвояси. Еще до пожара...

Вот так и погиб Витёк — спасая из огня друга, который в это время мирно дрях у себя дома. Возможно, кто-то сочтет такую смерть нелепой. Но для меня Витёк навсегда останется примером отношения к ближнему, о котором Сам Господь сказал: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Юлия Шутова

Варвара

Шестнадцать часов в плацкарте обычного российского поезда. Неровный сон под громыхание колес, подпрыгивающих на стыках: дорожная песня, мотив которой не забыть никогда.

Спрыгиваю с подножки и машу отцу Максиму рукой. Странно видеть его уже

священником, но и радостно — так и надо. Подхожу под благословение.

— Погоди, еще Варвару нашу захватим.

К нам подходит невысокая старушка лет восьмидесяти. Странно, как она вообще проделала этот путь в шестнадцать часов, да еще и в общем вагоне?! На мой вопрос, батюшка только морщится:

— Это не сломить. И денег давал на купе или плацкарт — нет. Это стиль жизни.

Едем в храм: красивая деревянная постройка с золотыми куполами — прекрасное украшение всему поселку, покрытому сажей и прошлогодним снегом. Пять куполов с крестами завораживают, а колокольный звон разлетается во все концы, весело отскакивая от сопков, окружающих поселок Ч. Кутаюсь в пальто, не ожидая такого холода. Встречают ласково, словами: «Вырядилась! Чайку-то попить? Замерзла, поди». Смеюсь и соглашаюсь.

От горячей кружки чая испытываю радость, вспоминая, куда только не доводилось мне ездить за последние несколько лет. И каждый раз все больше понимаю, как люблю я нашу глубинку. Конечно, и разруху, и запустение порой увидишь. А порой таких людей встретишь, таким теплом тебя согреют, что понимаешь, что настоящая жизнь зачастую только здесь и осталась. Та, которая не захламлена мусором современных инноваций.

— Ну-ка, принеси кружку батюшке, — выводит меня из раздумий голос бабушки Варвары.

— Да я сам, — улыбается отец Максим.

— Ну, женщина же она! Должна и поухаживать. Так правильно, — отчеканила бабушка, скользнув в темноту и потащив кастрюлю с едой цепному псу по кличке Гром. ➔

— Ну, вот, отче, теперь Варвара на мне крест поставила, — улыбаюсь я. — Хорошая она.

— Кроме Бога, никого не боится, — задумчиво сказал батюшка и поведал мне такую историю.

Подрабатывала как-то Варвара в одном казенном учреждении сторожем. Два этажа обходила добросовестно. Да забрался как-то в здание вор, закрыл в каком-то кабинете Варвару, а она его уговаривала не убивать. Да не потому, что хотела пожить на земле еще хоть сколько годочков, а потому, чтобы

вор, и так согрешающий воровством, еще и убийством не отяготил свою душу. Так-то вот.

Скрипнула дверь. Гремит ведрами Варвара, поглядывает на стол: едим ли.

— Батюшка, не доели пока, благословите к соседке сбегаю? Быстро я. Спину у нее прихватило, намазать надо мазью. Можно?

Грею руки об уже остывающий чай. А на ум приходят слова из Писания: Будьте святы, потому что Я свят (1 Пет 1:16).

Протоиерей Игорь Фомин

Исповедь самоубийцы

Вмоей священнической практике был необычный случай. Однажды моя родственница, живущая в глухой деревне, попросила приехать, чтобы помочь соорудить некоторое подобие перехода через реку — старый мост «трудюлюбивые» жители разобрали и сдали на металлолом...

Я приехал. Но приступить к работе сразу не удалось: тетушка решила для начала показать мне свой молитвенный дом в соседней деревне, полуразрушенный храм по соседству, заодно просила заехать в магазин. Все это мы обошли, осмотрели, сделали. Казалось, можно приступать к ремонту... но не тут-то было!

Нас постоянно задерживали: в молитвенный дом пришла вдова, попросила панихиду отслужить по ее мужу; в магазине разговорчивые тетушки задержали мою родственницу

еще минут на 15; по дороге в храм — остановил директор школы и начал выговаривать моей родственнице за ее подопечного-школьника, безалаберного ученика... Я нервничал — времени оставалось все меньше.

Наконец мы сели-таки в машину, готовые ехать к речке... И вот в этот самый момент неизвестно откуда возник и постучал в окно странный молодой человек, лет, наверное, 29-ти, в очках, весь красный, какой-то запыхавшийся. Он спросил:

— Вы случайно не из церкви?

Я говорю:

— Из церкви.

— Священнослужитель?

— Да.

— Вы знаете, я иду вешаться. Хочу у вас перед этим исповедаться.

У него были жестокие семейные неурядицы, мужское самолюбие и гордость были уязвле-

ны до крайности. А один грех, как известно, тянет за собой другой — и так вплоть до мысли о самоубийстве.

У меня с собой были и требник, и Евангелие, и крест. Я вышел, все это достал, надел епитрахиль, прочитал положенные молитвы, расположившись в разрушенной колокольне с «наскальной живописью», посередине которой зияло кострище — на нем, очевидно, недавно жарили шашлыки. Выслушал очень долгую исповедь этого молодого человека. Время пролетело незаметно, но, как потом оказалось, беседовали

мы очень долго, и убивать себя человек раздумал...

Милостью Божией, он до сих пор здравствует, живет, пересмотрел свою жизнь, понял свои ошибки. Жизнь была спасена!

И вот что я думаю теперь. Слава милостивому Господу, Который привел священника за 400 км от его дома, задержал его, где надо и сколько надо, для того, чтобы дать возможность отчаявшемуся человеку постучать в окошко его автомобиля и впоследствии встать на истинный путь. Этот парень воспользовался такой возможностью.

Виталий Каплан

Двойное чудо

История эта случилась в 1994 году. В середине мая я поехал на тещину дачу копать грядки, поехал поздно, до дома добрался уже около полуночи. Никого там не предполагалось, окна темнели. Я открыл калитку, подошел к входной двери, вставил ключ в замочную скважину, провернул, потянул дверь на себя — и никакого эффекта. Что такое? Ключ нормально проворачивается в замке, а дверь не открывается.

А надо сказать, что совладелец дачи, дядя моей жены, сдал половину дома дачникам (там был отдельный вход), но приехать они должны были только пару недель спустя. Может, решил я, они всё-таки приехали раньше и на всякий случай заложили изнутри дверь на палку? Маловероятно, но как иначе объяснить происходящее? Я начал стучать в темные окна их комнат, но толку было ноль.

Ну вот что мне было делать? Ехать назад я не мог — последняя электричка в Москву уже ушла. Ночь, между прочим, была достаточно холодная. У соседей тоже темнели окна, проситься на постой некуда. Сидеть всю ночь на крыльце с риском застудить себе что-то? Дурацкая ситуация.

И тогда я сделал самое правильное — помолился. Своими словами — мол, Господи, Ты же видишь, что случилось, помоги хоть как-то? Холодно же!

А едва только я помолился, как вспомнил, что одно окно на втором этаже неисправно, там не укреплена рама, она высаживается. Оставалось только долезть до этого окна — по козырьку над крыльцом, потом, проявляя чудеса акробатики, и до самого того окна. А я отнюдь не акробат, физические мои данные весьма посредственны. Но, по крайней мере, это шанс. Я вновь помолился Господу, прося помощи, и полез. Сам себе удивляясь, прекрасно долез до того окна, высадил раму, ввалился в дом, спустился на первый этаж. Никаких дачников не обнаружилось, никакой палки в двери тоже. Я наудачу толкнул ее — и дверь нехотя приоткрылась. Оказывается, за зиму дерево просто разбухло. Мне бы с самого начала потянуть со всей силы — но вот не догадался, и пришлось просить помощи свыше.

Однако это не конец истории. Двумя месяцами позднее приехал к нам на дачу наш с женой друг Коля. Между делом рассказал я ему об этом случае, и тот изумился — как это мне удалось долезть до того окна? Это же выше возможностей нетренированного человека!

— А вот смотри, сейчас тебе продемонстрирую! — завёлся я и полез повторять свой майский подвиг. Почти долез, уже потянулся к той раме (её так и не дошли руки закрепить) — и свалился. Упал спиной в заросли крапивы, ничего себе не сломав. Встал — и увидел белые лица жены и друга Коли. Как рассказали они мне, траектория моего полета была неестественной. По всем законам физики мне бы упасть на груды битых кирпичей, а я пролетел по крутой параболе и впился в крапиву.

Вот такое двойное чудо. Сперва, когда ситуация была действительно безвыходная, когда обращение к Богу было предельно искренним, Он помог — прояснил память и укрепил мышцы. А второй раз, когда я начал по-мальчишески геройствовать (а ведь было мне тогда уже 28 лет!), Он попросту спас хвостуна от перелома позвоночника — причем, по-моему, сделал это не без юмора. ♣.

Рисунки Наталии Кондратовой